

“Мои стихи больше всего любят военные, которые не любят воевать”

Года два тому назад социопрос аналитического “Левада-центра” выявил главных поэтов XX века по мнению россиян. Так вот, на двадцать пятом месте народного рейтинга в непосредственной близости от нобелевских лауреатов Бродского и Пастернака оказался Эдуард АСАДОВ (1923–2004). Поэт-фронтовик, лирик, Герой Советского Союза Эдуард Асадов (Асадиянц) ушел на войну добровольцем в семнадцать лет, сразу после выпускного бала. В 1944–м, в сражении за Севастополь, был тяжело ранен, потерял зрение. С тех пор мир видимого заменила для него поэтическая вселенная. В начале 1960–х творчество Асадова (фото справа) приобрело огромную популярность. Книжки, выходящие 100–тысячными тиражами, немедленно исчезали с прилавков, а литературные вечера на протяжении нескольких десятилетий проходили с неизменным аншлагом в самых известных залах страны. Простые, незамысловатые, но сердечные и проникновенные, его стихи сделались необходимы миллионам советских читателей. Грех его не вспомнить во всенародный праздник 9 мая.

*Падают снег, падают снег –
Тысячи белых вжат...
А по дороге идет человек
И губы его дрожат...*

Он писал о простых истинах, что естественно для человека, прошедшего через войну: все случайное, искусственное, наносное для таких отходит на второй план. Корнями Асадов из Карабаха, родился в Туркестане, рос на Урале. Всегда подчеркивал свою принадлежность к карабахским армянам, старался по возможности чаще посещать историческую родину:

*Осенний вечер спит в листья платана,
Огни реклам мигают на бегу,
А в концертном зале Еревана
В каком-то жарком, радостном тумане*

*Кидаю душу – за строкой строку.
И как же сердцу моему не биться,
Когда, вдохнув как бы ветра веков,
Я нынче здесь, в заоблачной столице
Армении – земли моих отцов.*

Хотя на стихах Асадова выросло пол Советской страны, строгие ценители литературы при упоминании его имени обычно снисходительно фыркали, как, например, поступал один из самых беспощадных и эрудированных литературоведов современной России Дмитрий Быков. Поступал, пока не встретился с поэтом лично. В результате родился замечательный очерк “Баллада об Асадове”, который мы и предлагаем с некоторыми сокращениями. Лучше не наलिшешь.

У него ни слова, и это естественно. У весьма многих, когда я говорил, что был у Асадова, брови съезжали на затылок: так он жив?! Жив, ему семьдесят четыре года, он прекрасно выглядит и каждое утро делает двухчасовую гимнастику с четырехкилограммовыми гантелями. И все это время пишет – практически без единой публикации, с твердо приставшим к нему ярлыком графомана и имитатора, олигаторного кича... (Писано в 1999 году. С тех пор у Асадова вышли десятки книг, несколько сборников сочинений. – ДБ.). Так что критика и так называемый умный читатель его действительно не помнят, – хотя, впрочем, и всегда не жаловали. А народ – народ помнит своего поэта. Вот есть у Асадова маленькая дача в Красновидове: единственное, по сути дела, его достояние. Все, что нашлось за тридцать лет непрерывной работы и исключительной славы, все, что скопил почти ежедневными выступлениями и множеством книг. И на эту дачу, где неисправная телефонная линия, ему все время звонили, попадая не туда.

– Это больница?
– Нет, это квартира поэта Асадова, – отвечает его жена.
– Поэта Асадова?! Это который – «а счастье, по-моему, просто бывает разного роста»?
– Да. «От кочки и до Казбека, в зависимости от человека».
К сведению современных русских литераторов, это и называется славой – когда вам ошибочно звонят на квартиру и цитируют ваш текст, едва услышав фамилию; заметьте, после десяти лет глухого официального забвения, всегда постигающего в нашей стране кумиров массовой культуры. А то, что Асадов к ним принадлежит, думаю, не вызовет особых возражений и у него самого. Это тоже литература, только другая. Феномен, отчасти близкий, с одной стороны, к фольклору, а с другой стороны – к поп-культуре. Что в общем сегодня синонимично.

НЕНАВИСТЬ – НЕ САМАЯ СИЛЬНАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ

– Эдуард Аркадьевич, почему, по-вашему, вы были в числе самых известных русских поэтов?
– Я убрал бы слово «был»... Если поэт состоялся, он состоялся навсегда. Я, мне кажется, имею право о себе так сказать. Помните, Доризо писал – «чтоб именем стала фамилия»? Меня по-прежнему узнают в электричках, звонят домой, я получаю читательские письма – всего за годы моей литературной работы их больше ста тысяч... И выступления бываю, только ведь наша культура сейчас распотана. Нет поэтических вечеров, нет встреч в концертной студии «Останкино»... Нет бюро пропаганды, устраивавшего выступления... Вот совсем недавно я выступил в училище пограничных войск в Голицыно. Сначала читал я, потом – курсанты, а потом вышел заместитель начальника училища и сам прочел мои стихи «Россия начиналась не с меча».

А почему их любят... поэту неловко себя хвалить. Человека обычно интересует то, что о нем. Вот мои стихи – они о моих читателях. О рабочих и об интеллигенции, которые, между прочим, у нас в Советском Союзе не так уж и отличались по уровню... Можно было приехать на завод, на ферму – и читать самые серьезные стихи.

Это я подтверждаю. У нас были умные рабочие. Интеллигенты от них отличались главным образом безразличностью к труду и безразличностью в смысле политическом, – если опять же говорить о так называемой богеминой интеллигенции, а не о пролетариях-врачах и пролетариях-учителях. Те, кто любил стихи Асадова, были люди неглупые. Специфические, конечно. Зачастую ненавидящие мне. Но зачастую для меня же и спасительные, – с этим противоречием ничего не сделаешь, ибо страна стояла на таких, как они, а не на таких, как я.

ра подряд – и всё шли и шли, некоторые – по многу раз, и билетов не хватало. Сто тысяч – тиражи его сборников (чуть не сказал «солнышек») разлетались стремительно. В журналах он почти не печатался, прекрасно понимая, что литература в ее традиционном понимании – все-таки не совсем его среда. Его тексты расчитаны главным образом на устное произнесение, на мгновенное восприятие, как песня. Тому есть объяснение: в силу самой своей биографии он оказался поэтом устной традиции, поэтом, лишенным зрения и чтения, воспринимающим слово на слух. Азбука Брайля кажется ему слишком медленным, неудобным способом читать: жена читает ему вслух, он следит за всеми новинками... Сам он просил не слишком педалировать тему своей слепоты:

– Пусть в нашем разговоре будет лирика, а не клиника.
Я уважаю его истинно солдатское стремление никак не подчеркивать своего увечья, никогда не упоминать его в предисловиях, выступлениях по радио – или упоминать очень бегло. Но именно эта вынужденная приверженность к устной традиции наложила свой отпечаток на его стихи, сделал их легко усвояемыми, но зачастую очень длинными, многословными: это приемы скорее ораторские, риторические, нежели чисто поэтические. Отсюда и длинноты, и морализаторство, и, кстати, сюжетность большинства асадовских баллад.

Славу Асадову принесла пространная лирическая повесть в стихах «Галина» (1958). – Это не подлинная история, нет. Я стараюсь подлинных историй не орать, а как-то их пересмысливать. Вот случай, описанный в «Балладе о рыжей дворняжке», был в Свердловске, где мы с мамой жили в тридцатые годы. Только через много лет я это написал... История, описанной в «Петровне» (молодая девушка-врач в деревне, любимый со скуки ее бросает, уезжает в город, потом венился, открывает финал, простит-не простит, слезы – ДБ.), тоже не было, я ее придумал, но, мне кажется, такое происходило сплошь и рядом... – Интересно, а «Баллада о любви и ненависти» имеет под собой какую-то реальную почву? Это же одно из самых известных ваших стихотворений...

– Вы задаете утилитарные вопросы – было, не было, – а знаете ли вы слово «романтика»? Там же предельная ситуация: после катастрофы замерзает летчик, связь с ним только по радию, найти его не могут – ночь, буря, – надо продержаться до рассвета. А он по радию передает, что сейчас замерзнет. И тогда в рубку радиста приводит жену: она сначала пытается его удержать на свете любовью, мольбами – ничего! И тут она женским своим чутьем понимает, что ненависть бывает сильнее любви. И говорит ему: «Я хочу, чтобы ты знал: я люблю другого, твоего лучшего друга, и завтра мы с ним едем в Крым». И сила ненависти оказывается такова, что летчик во всем смертям назло доживает до утра; а когда его находят, она ему во всем признается, потому что ненависть – не самая сильная вещь на свете». Могло ли такое быть? Наверное, могло. Но для меня не это главное.

– И, конечно, самое знаменитое ваше – «Они студентами были, они друг друга любили»?
– Там... на самом деле было подобное.
– С кем?
– Со мной.

ШЕСТЬ ДЕВУШЕК САМИ ПРЕДЛОЖИЛИ МНЕ РУКУ И СЕРДЦЕ

Первый брак Асадова оказался несчастлив. После разрыва он был убежден, что жизнь его кончена, что он никому теперь не нужен... – Два вещи тогда спасли меня: письмо Чуковского и женская любовь. Я писал стихи с детства и в конце войны Чуковскому послал их потому, что знал: этот критик снисходительнее не будет. Он действительно так меня разнес – живого места не осталось. А в конце прислал: и все-таки вы истинный поэт со своим голосом, со своим дыханием, иначе бы не стоило всего этого вам писать. А второе, что меня спасло, – женщины. Не меня выбрали, а мне пришлось выбирать: шесть девушек сами предложили мне руку и сердце. Я был довольно интересный, – могу это о себе

сказать, потому что сейчас все это в прошлом, – так что женщины меня любили. Я, конечно, не был ловеласом, но многое из того, что я пишу, было со мной. Я выбрал тогда не лучшую. Не хочу об этом много говорить: она обманывала меня.
За асадовскими умолчаниями стоит история почти расчитанная набоковской «Камеры обскуры»: грех об этом напоминать, но ведь его обмануть было проще... Так что история о студентах, которые друг друга любили, а потом он застал ее с другим и ушел, «не взяв ни рубля, ни рубашки», – не романтический вымысел.

– А со второй женой я познакомился, когда мы, молодые поэты, читали на Стрельбицком в конце августа 1961 года. Она просила ее пропустить вперед: артистка, чтица, уезжает на гастроли... «А что у вас за программа?» – спросил я. Она отвечает: «Женщины-поэтессы в борьбе за мир». Я пошутил в ответ: первый раз слышу, чтобы за мир боролись по половому признаку, что-то в этом роде... Она обиделась. Осталась меня послушать. Ей понравилась, она стала включать мои стихи в свои программы... С тех пор мы вместе.

Настоящая слава Асадова связана не с военными и не с патриотическими его стихами (последних относительно немного, он никогда не спекулировал на этой теме), а именно со стихами о любви, со студенческими и среднеинтеллигентскими love-stories: измена, раскаяние, простит-не простит, слезы. Асадов – поэт сентиментальный и назидательный, как Карамзин (и, как Карамзин, он обивает пафос дружбой иронией, ибо читателя своего искренне любит). Стихи его часто называли рифмованными прописями. Он любил кремневую твердость своих неархих, неброских, но непрощающих героинь; и он же от души, горячо прощал своим непостоянным героям, страдал за них, жалел их... Он жалел медвежонка, который вырос матерым и злым медведем потому, что охотники застрелили его мать. Он жалел гордого бенгальского тигра, убегающего в снежное поле из товарного вагона – на верную гибель. И девушки рыдали над его «Рыжей дворняжкой», а Евушенко издевался над девушками «с парой асадовских строк под курдюшками»...

Хотя – полагаю руку на сердце – далеко ли ушел Евушенко от этих прописей?
Хотя – полагаю то же туда же – так ли неодолима пропасть между длинными, иногда водянистыми балладами Асадова и многословными стихами Ахмадулиной, от которой читатели поутонченнее асадовских тоже приходят в бездумный экстаз? Нет, конечно, пропасть эта неодолима в чисто материальном и, так сказать, публич-релейшном выражении: шумный, избыточный юбилей Ахмадулиной, символа отечественной культуры, – и полное забвение Асадова, не печатающегося десять лет. Но велика ли разница между гладко зарифмованными банальностями Асадова – и более витиеватыми и претенциозными банальностями Ахмадулиной, чьи стихи точно так же рассчитаны на устное восприятие, концерты и порой невыносимо длинны? А творческое и человеческое поведение Асадова, по-моему, не менее достойно.

– Вы что, серьезно? – спросила меня одна очень умная женщина.
Серьезно.
Воспитывать народный вкус бесполезно: фольклор ведь тоже полон банальности и длинноты, только обаяние его в непосредственности, а не в оригинальности... Я совершенно искренне полагаю, что ситуация, при которой сто из ста пятидесяти опрошенных комсомольцев любимым поэтом называют Асадова (так было в семидесятых, об этом писала «Комсомолка»), – нормальна. И пусть лучше знают назусть «Балладу о рыжей дворняжке», этот безусловный поэтический суррогат, нежели «Зайку мою».

Большой или загуганный человек особенно чувствителен к сентиментальной, пусть и банальной поэзии. Мне как-то в армии попался сборник Асадова – мне дала его пропала дочка замполита, очень глупая, но страдавшая солдатом девочкой лет четырнадцати. И верите ли, я, на гражданке ругавший Пастернака за дурновкусие, – я чуть не расплакался над этим сборником! Потому что в армии мало ел и много страдал, а такой человек к рифмованному тексту по определению восприимчив.

«...В ДУШЕ ВСЕ ГРАНИЦЫ СОТРУ. В СССР Я РОДИЛСЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ УМУР»

– Мне говорят, что я поэт для девушек. Но разве девушки – не люди?
– У меня давно отработанный механизм. Я наговариваю на магнитофон, потом слушаю, правлю и печатаю на машинке. Я печатаю со скоростью профессиональной машинистки. Асадов действительно печатает очень быстро, свободно ориентируется в комнате, двигается со своеобразной восточной грацией, о его слепоте забываясь, хотя лицо с неизменной черной повязкой выглядит подчас пугающе. Нечеловеческой своей волей он заставил себя перелопатить со слуха гору литературы, окончить Литинститут (вместе с Тендряковым, Гамзатовым, Бондаревым – последний, кстати, был единственным человеком на курсе, с которым они почему-то не дружили), выучиться печатать, обращаться с любой техникой, стирать, слесарить, полностью обслуживать себя, шить... Воле его удивлялись врачи:

– Когда мне было пятьдесят, женщина-врач мне сказала: пора бросать курить. Как я же курю с двенадцати лет, начал с двенадцати, во дворе, на слабо! Тридцать восемь лет курю – главным образом папиросы. Ну вот, говорит врач, не хватит ли? И я решил: хватит. Я пришел домой и сказал домашним: все, я выкуриваю свою последнюю папиросу. Никто не принял этого везья. Я положил около кровати пачку «Казбека» – в ней оставалось двенадцать папирос – и спички. В этой пачке до сих пор двенадцать папирос.
– Я знаю, что вы часто бываете в Севастополе. Вы почетный гражданин этого города. У вас есть свое отношение к проблеме флота?
– Конечно. И к проблеме раздела Советского Союза вообще. Никакое разделение не делает людей сильнее, запомните. У меня есть чертешковские: «Не могу, не хочу, не смирился и в душе все границы сотру. Я в Советском Союзе родился и в Советском Союзе умру».

– То есть к советской власти у вас нет претензий?
– Множество! Это у меня к Советскому Союзу нет претензий, и я продолжаю жить в нем. Но как бы мы ни относились к советской власти, я смирился не могу с тем, что нас оглуляют, что отовсюду несет чудовищная пошлость, что раньше нас уважали, а сегодня протягивают два пальца и разговаривают через губу... Главное же – это страшное обольщение, вытравливание культуры!
– Как вы себе представляете вашего сегодняшнего читателя?

– Мои стихи больше всего любят военные, которые не любят воевать.
Когда-то моя жена яростно спорила на своем первом курсе с поклонниками Асадова. И не поленилась ради спора подсчитать, что в его сборнике, взятом с собою на картошку одной из девушек с курдюшками, сто одиннадцать стихотворений из ста двадцати семи кончались восклицательным знаком!!! Количество штампов в них, думаю, не поддавалось никакому учету. Но теперь – то мы, кажется, поняли наконец, что у народа не может быть хорошего вкуса, и тут уж надо выбирать из двух зол? А страна, у населения которой поголовный хороший вкус, – боюсь, нежизнеспособна.

Надо издать новую книгу Асадова – она станет бестселлером. Надо устроить ему вечер в самой большой аудитории Москвы – она будет забита до отказа. Надо вернуть народу этот кич, чтобы отбить охоту к суперкачу, заполонившему страну. Эта культура – самый массовый, самый секьюлярный ее вариант – все-таки несет в себе и добро, и красоту, и сострадание: в том виде, в каком они понятны стране.

И я, сноб, гурман, смакователь, – низко кланяюсь Асадову, самому известному поэту самой большой страны.

Подготовила Ева КАЗАРЯН
На снимках Асадов и Иван Семенович Стрельбицкий; жаркое севавтопольское боф Эдуард Аркадьевич с женой Галиной.

«ВЫ МЕНЯ НЕ УЗНАЕТЕ, ИВАН СЕМЕНОВИЧ?»

В 1943 году, после взятия Перекопа, на Ишунских позициях в Крыму командующий артиллерией второй гвардейской армии Стрельбицкий инспектировал свои батареи. На одной из них он приметил молодого лейтенанта, судя по внешности – южанина, который постоянно шутил с солдатами, командовал легко и весело и под непрерывным вражеским обстрелом чувствовал себя как на прогулке. Солдаты его обожали. В штабе армии генерал Стрельбицкий распорядился узнать, как этого храброго парня зовут. Позиции, однако, бомбили, связь прерывалась, и по радио едва удалось разобрать, что фамилия лейтенанта будто бы Осадчий.

В следующий раз генерал его встретил полмесяца спустя, уже под Севастополем. Лейтенант на грузовике привез в полевой медсанбат раненного в обе ноги старшину. Генерал ему выговорил за то, что старшину взяли, не дожидаясь темноты, – могли попасть под обстрел... Лейтенант виновато ответил, что боялся медлить – вдруг гагнрена? Генерал подивился храбрости, не стал его особенно распекал и отправил обратно на позиции.

В тот день батарею этого лейтенанта разбили: артиллерия была на максимум – на четыре километра, так что к врагу ее придвинули буквально вплотную. В считанные часы не осталось ни одного целого орудия. Снаряды, однако, уцелели, и лейтенант со своим шифером Витей Акуловым, бывшим военным моряком, повед их на соседнюю батарею, где еще было из чего стрелять.

Это был не просто подвиг – самоубийство. Дорога простреливалась идеально. Машина еле карабкалась в гору. На полпути они заглохли, Акулов со всей силы жал на тормоза, лейтенант выскочил, долго под огнем крутил ручку и чудом завел мотор. Подъем кое-как одолели, вылезли на плоскогорье, но тут их стало видно уже отовсюду: налетели два «юнкерса». Лейтенант вместе с Акуловым пришлось выпрыгнуть из машины и залечь под колеса. «Юнкерс» заходил прямо на них. Лейтенант успел еще пошутить в своей манере – береги, мол, прическу, Акулов, – и тут же рядом, в траншею, ухнула бомба. Осколки, по счастью, пошли вверх, тут подоспели наши истребители, «юнкерсы» ушли, а лейтенант пошел впереди еле двигающейся машины, показывая маршрут среди воронок. Уцелевший Акулов рассказывает обо всем этом, но позуже, много позже... Батарея, куда они ехали, была уже в двух шагах, лейтенант замахал рукой – и тут же рядом разорвался снаряд.

Все, кто наблюдал за лейтенантом с его батареи, не сомневались: погиб. Чудес не бывает. Самая дичь, самая обида в том и была, что снаряды эти он, по сути дела, довел, успел, и было ему всего двадцать лет, и все его так любили! Стрельбицкий о нем потом спросил. Ему так и доложили: vez боеприпасы на соседнюю батарею... выхода не было – у него не из чего стрелять, у соседа нечем... довел, но у самой цели погиб. Генерал, всего-то два раза его и видывший, очень о нем горевал и на всю жизнь запомнил лейтенанта Осадчего. Ведь накануне видел его, спасающего жизнь старшине, чуть не распекал... ах, знать бы! На всех встречах с пионерами, которых после войны у него было много, он рассказывал про черноглазого лейтенанта, а после одной из таких встреч услышал, как артист филармонии читает стихи поэта Асадова – как раз о защите

А СЧАСТЬЕ–ТО БЫВАЕТ РАЗНОГО РОСТА...

Карабахский армянин Эдуард Асадов, чью непривычную для русского уха фамилию генерал Стрельбицкий для себя транскрибировал как «Осадчий», был тогда ранен в голову, перенес двенадцать операций (почти все – под местным наркозом или вовсе без него), навсегда потерял зрение и стал самым известным советским поэтом. Не спорьте – самый! В утешение реваншистам чистого искусства могу напомнить, что популярность ведь – не качественный показатель, она об аудитории и о поэте говорит поровну... Но факт есть факт: в славе с Асадовым не могли соперничать ни Евушенко, ни Окуджава, ни Ахмадулина. Их слава – хоть чуть-чуть, а элитарная. А Эдуард Асадов был любимым поэтом советского народа – с конца пятидесятых до начала восьмидесятых, а по некоторым сведениям, и позже. Герой, красавец, мученик, моралист, любимый автор солдатского, сержантского и офицерского состава, кумир состава стародевического, девического и женского, геологического и подводнического, студенческого и пролетарского: не всякого опять же, но составляющего большинство! Суммарный тираж книг Асадова, которых набегает около сорока, достиг трех миллионов, и их было не достать! Ни одного поэта в мире, кроме автора Басен и государственного гимна СССР Сергея Михалкова, так не издевали! А Асадов не был автором Государственного гимна, сочинял лирику – любовную и патриотическую, – не имел от государства наград, кроме боевых, не награждался премиями, не печатался в журналах, не занимал должностей, не участвовал в пророботочных компаниях, и даже самый упорный ненавистник его поэзии, снисходительно трирующийся ее с чисто литературной точки зрения, по-человечески не упрекает его ни в чем: не в чем.

Последняя книга вышла у Асадова десять лет назад. Он живет в маленькой квартирке недалеко от проспекта Мира с женой Галиной Валентиновной, артисткой-птицей, вместе с которой он главным образом и выступал. Никаких доходов, кроме пенсии, у него нет. Сумму пенсии он называть отказался – карабахский армянин, фронтовик, гордость... Гордость он сохранил вполне, достоинство – тоже. Никакой зависти, никакого злопыхательства в адрес более удачливых литераторов, никакой обиды на то, что его никто не помнит... Хотя что я говорю? Это в прессе, в столичных газетах, в литературных или жирных журналах о